

«Наука, рациональное мышление, разум отвергаются»: постсоветское антисектантское движение между контркультизмом и антикультизмом

Рекомендация для цитирования:

Дроздов С., Масагутова М.

«Наука, рациональное мышление, разум отвергаются»: постсоветское антисектантское движение между контркультизмом и антикультизмом // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 42(4). С. 22–48. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2024-42-4-22-48>

For citations:

Drozдов, S., Masagutova, M. (2024) “‘Science, Rational Thinking, and Reason are Rejected’: the Post-Soviet Anti-Sectarian Movement Between Countercultism and Anti-cultism”, *Gosudarstvo, religii, tserkov’ v Rossii i za rubezhom* 42(4): 22–48. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2024-42-4-22-48>

Поступила в редакцию: 13.03.2024; прошла рецензирование: 16.05.2024; принята в печать: 16.09.2024.

Received: 13.03.2024; Revised: 16.05.2024; Accepted for publication: 16.09.2024.

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© 2024 by the author.

СТЕПАН Т. ДРОЗДОВ

Европейский университет в Санкт-Петербурге (Россия). sdrozдов@eu.spb.ru
ORCID: 0000-0002-9505-9122

МАРИЯ Р. МАСАГУТОВА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Европейский университет в Санкт-Петербурге (Россия). mmasagutova@eu.spb.ru
ORCID: 0000-0002-8528-190X

Статья посвящена акторам «анти-сектантского» движения в постсоветской России, а точнее, их риторике, направленной против новых религиозных движений, и тем ценностям, защитой которых они обосновывают свои действия и высказывания. В тексте обозначаются примеры такой риторики в имперской, советской и постсоветской России с фокусом на основаниях, которые позволяли тем или иным героям и структурам выступать против различных религиозных организаций. Затем обсуждается современное состояние движения и ключевые организации и личности внутри него, а также специфика тех ценностей, которые его акторы декларативно защищают. В статье также делаются предположения о причинах и механизмах формирования того варианта антисектантской риторики.

рики, который сложился в постсоветской России. Кроме того, в тексте описываются основания, позволяющие авторам рассуждать о существовании в постсоветской России единого анти-сектантского поля, акторы которого, независимо от наличия или отсутствия аффилиации с религиозными институтами, продуцируют схожую риторику, центром которой оказывается необходимость защиты границ светского сакрального от посягательств критикуемых ими религиозных движений.

Ключевые слова: новые религиозные движения, контркультизм, антикультизм, антисектантство

**“Science, Rational Thinking, and Reason are Rejected”:
the Post-Soviet Anti-Sectarian Movement Between
Countercultism and Anti-cultism**

Stepan T. Drozdov

EU SPb (Saint-Petersburg, Russia). sdrozдов@eu.spb.ru

ORCID: 0000-0002-9505-9122

Marie R. Masagutova

HSE University, EU SPb (Saint-Petersburg, Russia).

mmasagutova@eu.spb.ru

ORCID: 0000-0002-8528-190X

The article deals with various actors of the anti-sectarian movement in Post-Soviet Russia. More specifically, the focus is on their rhetoric against the new religious movements, as well as the values they claim to defend. The text identifies a tradition of anti-sectarian rhetoric in imperial, Soviet, and post-Soviet Russia. Then follows a discussion of the current state of the anti-sectarian movement and the key organisations and individuals within it, as well as the values they declaratively defend. The article also offers hypotheses about the origins and mechanisms of the anti-sectarian rhetoric that emerged in post-Soviet Russia. In addition, the paper outlines the grounds to argue about the existence of an overall anti-sectarian field in post-Soviet Russia, of which the actors, regardless of their affiliation with religious institutions, produce a similar rhetoric based on the need to protect the boundaries of the secular sacred from the encroachments of the religious movements they criticize.

Keywords: new religious movements, anti-cultism, countercultism, anti-sectarian movement

В ЗАГЛАВИЕ данной статьи вынесена цитата из ключевого для российского «антисектантства» текста — книги Александра Дворкина «Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования», в которой автор формулирует признаки религиозного движения, которое может считаться «тоталитарной сектой». Настоящая статья посвящена специфике самоопределения и вопросу соотношения формальной аффилиации и защищаемых ценностей в антисектантской риторике современной России.

В русскоязычном контексте термины «антикультистский» и «антисектантский» выступают как синонимичные. При этом второй термин в исследуемых нами текстах встречается чаще, о причинах чего пишет религиовед Игорь Кантеров¹. В данной статье для характеристики взглядов героев мы используем термин «антисектантство», что не подразумевает оценочных коннотаций, а вся критика в адрес религиозных движений является результатом творчества анализируемых авторов и не отражает нашего отношения к упоминаемым движениям. Под данным термином мы, вслед за американской исследовательницей Айлин Баркер, будем понимать «широкий круг групп, созданных с целью распространения информации, предоставления консультаций и советов, а также лоббирования действий властей по ограничению деятельности религиозных групп»².

Основными материалами для нашего анализа послужили опубликованные в сети тексты антисектантского характера, в которых авторы указывают на основания своей деятельности и те параметры критики, на которых они строят свою аргументацию. Наибольший интерес представляют не только тексты, в которых журналисты и интервьюируемые эксперты антисектантских организаций описывают критикуемые религиозные движения и их опасность, но и такие тексты, где эксперты указывают на цели и методы своих действий.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00508, <https://rscf.ru/project/21-18-00508/>

Supported by a grant from the Russian Science Foundation, project No 21-18-00508, <https://rscf.ru/en/project/21-18-00508/>

1. Кантеров И. «Деструктивные, тоталитарные» и далее везде // Религия и право. 2002. № 1. С. 27–29.
2. Barker, E. (1986) “Religious Movements: Cult and Anticult Since Jonestown”, *Annual Review of Sociology* 12: 335.

Мы можем говорить об определенном единстве антисектантского движения в постсоветской России и его общей риторике на основе того, что на всех проанализированных нами интернет-ресурсах, создателями, модераторами и авторами текстов которых выступают деятели российского антисектантства, широко распространена практика репостов, а тексты, независимо от аффилиации автора, зачастую прямо или косвенно опираются на работы Александра Дворкина. Увидеть это влияние можно и в приводимых далее публикациях СМИ, активно использующих термин «тоталитарная секта» для характеристики описываемых сообществ.

Так, теоретическая база, сформулированная Дворкиным, выступает основным фреймом описания новых религиозных движений в риторике постсоветского антисектантства, связывая как входящие в структуру РПЦ центры и организации, так и внешние по отношению к ней ресурсы.

Американский социолог религии Джеффри Хадден, анализируя антикультистское движение в США, выделил четыре возможных стратегии продуцируемой его акторами критики³. В качестве первой стратегии Хадден выделяет риторику религиозных институций, в которой основой для критики новых религиозных движений становится расхождение религиозных взглядов с описываемыми сообществами. Такая критика выражается на языке теологии, критикуемые обвиняются в ереси. Акторы, выбирающие этот путь, стремятся вернуть к истине отклонившихся, функционально защищают членов своей религиозной организации от отпадения, объединяют верующих перед лицом общего врага. Вторым путем аргументации опасности новых религиозных движений оказывается светский. Его последователи призывают к защите индивидуальности человека от контроля со стороны религиозных групп с «тоталитарной средой», выделяют автономию человека как цель, достигаемую путем избавления от влияния религиозных групп. Третью группу составляют, согласно Хаддену, бывшие члены новых религиозных движений, считающие, что сообщества, к которым они принадлежали, разрушили их жизнь. Они готовы на примере своих историй продемонстрировать негативное влияния «обвиняемых» сообществ на жизнь последовате-

3. Hadden, J. (1997) "New Religious Movements Lectures: The Anti-Cult Movement", *Course Lecture in University of Virginia, Department of Sociology* [<https://www.wabashcenter.wabash.edu/syllabi/h/hadden/soc257/syllabus.htm>, accessed on 19.10.2023].

лей. Четвертой и последней группой антикультистов оказываются «моральные предприниматели», основывающие на антикультистской риторике свою карьеру. К ним Хадден относит радиоведущих, журналистов и юристов, основывающих свою репутацию на публичном осуждении религиозных движений.

В целом, классификация Хаддена, разработанная на американском материале, достаточно противоречива, так как смешивает антикультистские группы с той риторикой и методами, которые они используют, однако дает нам определенную базу для разграничения явлений, которые мы сегодня можем наблюдать в антисектантском движении в России. В данной статье мы демонстрируем, что основания критики, выделенные американским социологом, в постсоветской риторике оказываются отделены от аффилиации авторов: как будет показано далее, «светский» путь аргументации используется вне зависимости от религиозной принадлежности автора текста, а группа «моральных предпринимателей» занимается в большей степени воспроизводством текстов других акторов. В этом смысле взгляд на антисектантскую риторику в постсоветской России через призму теории Хаддена демонстрирует противоречие, которое, в нашем представлении, выступает основной чертой исследуемого нами явления: независимо от аффилиации акторов, производимая ими риторика выступает синтезом религиозного и светского пути аргументации критики в отношении альтернативной религиозности.

Теорией, способной отчасти объяснить сложившийся в постсоветской России вариант подобной риторики, может являться классификация итальянского социолога религии Массимо Интровинье, который, используя эмную терминологию, выделяет на примере США контркультистские и антикультистские группы. К первым он относит представителей духовенства, обеспокоенных оттоком прихожан в новые религиозные движения; главным основанием критики, исходящей с их стороны, становится девиация от «настоящей» религии. Ко второй группе акторов Интровинье относит светских антикультистов, не заинтересованных в истинности тех или иных религиозных учений, но обеспокоенных потенциальным вредом личности, семье или обществу⁴.

4. Introvigne, M. (1995) "The Secular Anti-Cult and the Religious Counter-Cult Movement: Strange Bedfellows or Future Enemies?", in E. Towler (ed.) *New Religions and the New Europe*, pp. 33–34. Aarhus, Oxford, Oakvill: Aarhus University Press.

Данная теория, в отличие от классификации Хаддена, уделяет меньшее внимание основаниям риторики, концентрируясь на религиозной/светской аффилиации акторов. Разделение, предложенное итальянским социологом, позволяет более точно описать два условных полюса, между которыми существуют тексты антисектантского характера в постсоветской России.

Внимания заслуживает статья Марата Штерина и Джеймса Ричардсона о влиянии западного антикультистского движения на российское законодательство в области религии⁵. Авторы прослеживают, как зарубежные традиции борьбы с новыми религиозными движениями повлияли на принятые в РФ законы и на антисектантское движение.

Над сюжетом, схожим с нашим, размышляет Алексей Зыгмонт, анализируя механизмы дегуманизации «сектанта» в постсоветском антикультизме⁶. Ценным выводом этого автора является высвечивание характерного смещения светского и религиозного пути аргументации в постсоветской антисектантской риторике, который оказывается независим от антикультистской/контркультистской аффилиации производящего ее актора.

Прежде чем перейти к анализу современного состояния исследуемого поля в постсоветской России, представляется необходимым кратко обсудить историю этого явления в имперский и советский периоды, что позволяет высветить влияния и те основания, на которых, в нашем представлении, строится аргументация героев данной статьи.

Контркультизм в позднеимперский период: пример одного религиозного сообщества

В деятельности православных миссионеров в поздней Российской империи можно выделить два ключевых направления: проповедь среди «язычников» и борьбу с формами «ложной веры». Миссионеры стремились к интеграции большего числа людей в Православную церковь и следили за «чистотой веры», стремясь «ис-

5. Shterin, M., Richardson, J. (2000) "Effects of the Western Anti-Cult Movement on Development of Laws Concerning Religion in Post-Communist Russia", *Journal of Church and State* 42(2): 247–271.

6. Зыгмонт А. Негативная антропология «Сектанта» в современном российском антикультизме // Религиоведческие исследования. 2018. № 18. С. 61–80.

ключить ... из лона церкви»⁷ тех, кто мог нарушить эту «чистоту». Тремя основными группами «религиозных диссидентов», часто попадавшими в поле зрения православных миссионеров, были старообрядцы, «свободные христиане» и, как определяет их Юджин Клэй, «православные еретики», воспринимавшие себя «как часть официальной церкви, притом что их отвергали и даже отлучали церковные лидеры»⁸.

В качестве примера движения, хронологически заставшего все рассматриваемые в настоящей статье этапы политики борьбы с религиозным инакомыслием, мы рассматриваем кейс движения трезвенников Братца Иоанна Чурикова.

Движение трезвенников возникло в 1894 году, когда крестьянин Самарской губернии Иоанн Чуриков начал свою проповедь в Петербурге среди городских низов. Чуриков проводил «беседы» — собрания, на которых толковал Евангелие, и эти проповеди снискали популярность, сделав движение заметным в рамках религиозного спектра имперской столицы.

Хотя сам Иван Чуриков не планировал вступать в конфронтацию с духовенством и часть деятелей православной церкви поддерживала трезвенников⁹, почти с начала своей проповеди Чуриков сталкивался с обвинениями в сектантстве со стороны православных миссионеров и духовенства. Результатом стало заключение проповедника в психиатрическую лечебницу и тюрьму Спасо-Евфимиевского монастыря в Суздале¹⁰, а также периодические запреты на проведение проповедей. Здесь мы вкратце рассмотрим характер выдвигавшихся в его адрес обвинений.

В посвященной монастырским тюрьмам книге публициста А.С. Пругавина автор упоминает обвинение, которое могло стать основанием для заключения Чурикова: «выдавал себя за целителя и чудотворца, и тем эксплуатировал религиозное чувство простецов»¹¹. Пругавин замечает, что «снова монастырскому заточению подвергается не “пропагандист” опасного учения и не сектант, при-

7. Clay, J. (2019) “Orthodox Missionaries and ‘Orthodox Heretics’ in Russia, 1886–1917”, in R. Geraci (ed.) *Of Religion and Empire: Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia*, p. 38. NY: Cornell University Press.

8. Ibid. P. 60–61.

9. Ibid.

10. Пругавин А. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством: к вопросу о веротерпимости. М.: Посредник, 1905. С. 111–114.

11. Там же. С. 111.

надлежащий к какой-либо изуверской секте»¹², а проповедник, чью вину духовные власти даже не сочли нужным обосновать. Интересно рассуждение Пругавина о том, что, если бы это обвинение было подтверждено, подобная деятельность была бы сопряжена со светскими категориями обмана и мошенничества, что помещало бы наказание в юрисдикцию светских властей, — однако меры в отношении лидера трезвенников были приняты властями духовными. Он предполагает, что, возможно, помещение Чурикова в тюрьму состоялось без соответствующих указаний высших духовных и светских властей, и в таком случае самарское духовенство превысило свои полномочия. Впоследствии проповедник смог покинуть место заключения и продолжить свою деятельность в Петербурге.

Цензор книги Пругавина, иеромонах Александр, указал, что усматривает в поведении Чурикова «странности» — узурпацию действий, «которые являются привилегией только священников» (ношение креста наподобие священнического, проведение молитвенных собраний, помазание прихожан). Цензор заключает, что и в отношении причин, приведших к заключению проповедника, «нельзя считать Чурикова абсолютно невинным»¹³. Аргументы цензора направлены на подтверждение справедливости обвинения Чурикова в введении «простецов» в заблуждение — и подражание облику священника выделяется как ключевой метод подобного обмана.

Хорошим примером интересующей нас антисектантской риторики становится брошюра иеромонаха Вениамина (Федченкова) «Подмена христианства», где священнослужитель критикует движение трезвенников и укоряет защищавшего их миссионера Д. Боголюбова, отмечая, что суть движения чуриковцев «сводится к тонкой подмене христианства»¹⁴. Заявления Чурикова о преданности православию иеромонах Вениамин связывает с тем, что «почти все еретики и сектанты никак не желают отделять себя от православной Церкви»¹⁵, и проповедник пребывает «в духовной прелести»¹⁶.

12. Там же.

13. Там же.

14. *Иеромонах Вениамин. Подмена христианства*. СПб.: типография «Колокол», 1911. С. 1.

15. Там же. С. 3.

16. Там же. С.5.

Разумеется, трезвенники не были единственным движением, столкнувшимся с противодействием православных миссионеров религиозному диссидентству, и формирование обособленных течений в результате давления светских и духовных властей на религиозные движения также не было уникальным явлением. Пример Иоанна Чурикова и его последователей показывает лишь одну из возможных траекторий влияния миссионеров на судьбу религиозного движения в начале XX века. Эта история связана с той зыбкостью конфессиональных границ и гибкостью религиозных идентичностей, о которой пишут исследователи имперского религиозного диссидентства и которая побуждала религиозных диссидентов находить способы осмысления своей идентичности как в рамках православия, так вне его¹⁷.

Среди основных обвинений в адрес Чурикова и его последователей звучали: «сектантство» (иногда с более конкретными указаниями течения, вроде беседничества или хлыстовства)¹⁸; неуважение к священническому сану (узурпация символов и действий, приличествующих только духовенству); сравнение себя с Христом¹⁹; вольное толкование Евангелия²⁰; чрезмерное влияние на последователей, «эксплоатация религиозного чувства простецов»²¹ и введение их в заблуждение и ересь; а также обвинения в неподобающих отношениях с его помощниками-трезвенниками («окружение богородицами и девицами»)²². Хотя в выделенных обвинениях присутствуют указания на неподобающий моральный облик проповедника, беспокоит миссионеров именно девиация от официального православия, что характеризует специфику работы православных миссионеров в позднеимперской России.

В более широком контексте общее представление о религиозном диссидентстве и противодействии ему на рубеже XIX–XX веков дает книга протоиерея Тимофея Буткевича о русских сектах

17. См., например: *Крестьянинов А.* Отступничество в раскол» в Казанской епархии: старообрядцы в приходской жизни русской деревни // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 3. С. 116–148.

18. *См. Иеромонах Вениамин.* Подмена христианства. С. 3, 23.

19. Там же. С. 327.

20. Там же. С. 307. Также см. *Иеромонах Вениамин.* Подмена христианства. С. 8.

21. *Пругавин А.* Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством: к вопросу о веротерпимости. С. 111.

22. См., напр.: *Иеромонах Вениамин.* Подмена христианства. С. 8; *Дубровский М.* Черный отец и желтые братцы (Иоанн Кронштадтский, Иван Чуриков, Анисим Смирнов). М.: Безбожник, 1930. С. 85.

и их толках. В ней появляется основание для критики, возродившееся в современной антисектантской риторике: автор утверждает, что «наше сектантство не есть явление самобытное, самородное или самостоятельное»²³. Буткевич пишет:

...штунда и баптизм ... порождены немецким протестантством, пашковщина насаждена английским лордом Редстоком, адвентизм — американцем Вильямом Миллером, молоканство — квакерами, а толстовщина... результат влияния ... западноевропейской философии²⁴.

Даже в движениях, относимых к «старому русскому сектантству» Буткевич видит «пантеистическое влияние язычествующей в христианстве мысли»²⁵, проявившееся в «хлыстовстве, скопчестве, духовборчестве, иеговизме и др.»²⁶, и подытоживает: «в русском сектантстве все — чужое»²⁷.

Буткевич прямо обвиняет «сектантов» в неуважении к Евангелию и искажении смысла православия. Он критикует религиозных диссидентов за догматическую примитивность, отсутствие оригинальности, непоследовательность и поверхностность, противопоставляя таковым глубину православного учения. Первой причиной и «главным виновником сектантства» Буткевич называет дьявола²⁸, второй — «греховную волю гордых и высокомерных людей»²⁹, третьей — «патологическое состояние сердца человека как источника чувствований»³⁰, что в совокупности приводит к разрыву с церковью и поиску иных религиозных форм. В основе критики вновь оказывается девиация от православия как совершенной религии.

Антикультизм в Советском Союзе

Хотя советские антирелигиозные кампании не миновали религиозных диссидентов, стратегии взаимодействия советского го-

23. Буткевич Т.И. Русские секты и их толки. М.: Центрполиграф, 2018. С. 8.

24. Там же. С. 9.

25. Там же.

26. Там же.

27. Там же.

28. Там же. С. 11.

29. Там же. С. 12.

30. Там же.

сударства на ранних этапах существования с условными «сектантами» отличались от взаимодействия с крупными конфессиями, и здесь находилось место для непродолжительных компромиссов.

Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви» 1918 года уравнивал последователей всех религий в правах, запрещая «всякие праволишения, связанные с исповеданием какой бы то ни было... веры или неисповеданием никакой...»³¹.

Ранняя советская политика принесла религиозным диссидентам позитивные изменения. Положение на условной периферии религиозного спектра бывшей Российской империи и шаткая позиция в отношении с официальной церковью оказались основой для причисления к классам, угнетаемым прежними властями. Как отмечает советский религиовед А.И. Клибанов в книге 1969 года, «религиозное сектантство было формой общественного движения, возникшего и развивавшегося по ходу истории классовой борьбы трудящихся масс <...> против крепостнической эксплуатации»³². В этом свете религиозные диссиденты — по крайней мере часть из них — попадают в целевую аудиторию советской идеологической политики. Советские исследователи стремились определить «соотношение классовых сил в религиозном сектантстве», находя среди религиозных меньшинств «крупную буржуазию», «среднюю буржуазию» и «сектантскую бедноту»³³. Последняя категория, по мнению советских исследователей, находилась «под сильным еще экономическим и моральным влиянием и гипнозом своих верхов»³⁴. Впрочем, идея угнетенных трудящихся впоследствии начнет активно эксплуатироваться в советской антисектантской риторике и визуальной пропаганде.

После революции для этих движений удачной оказалась ситуация, когда, в связи с отсутствием интереса крестьян к коммунальному движению, для заселения и обработки бывших помещичьих земель государство запустило «сектантский проект»³⁵. В 1921

31. Декрет Совета Народных Комиссаров «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» // Список актов конституционного значения 1600–1918 гг. [<https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5325>, доступ от 01.11.2023].

32. Клибанов А. Религиозное сектантство и современность. М.: Наука, 1969. С. 18.

33. Красиков П. На церковном фронте. М.: Юриздат, 1923. С. 247.

34. Там же.

35. Дюран Д. Коммунизм своими руками: образ аграрных коммун в Советской России 1920-х годов. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010. С. 52.

году выходит обращение Наркомзема РСФСР «К сектантам и старообрядцам, живущим в России и за границей»³⁶, в котором правительство призывает религиозные меньшинства к сотрудничеству, отмечая их стремление «к общинной, коммунистической жизни»³⁷. Описываются и прежние страдания угнетенных:

Все правительства, все власти, все законы во всем мире, во все времена, всегда шли против такой жизни, и сектантов за это во всех странах, в том числе и в России, жгли на кострах, убивали, мучали, гноили в тюрьмах, разрывали их общины и рассылали в ссылки по разным углам земли и всячески преследовали, но они оставались твердыми в своих убеждениях и, умирая, завещали своим братьям продолжать ту же борьбу, ту же общинную жизнь³⁸.

Власти призывают «сектантов», принадлежащих «по преимуществу к беднейшему классу населения»³⁹, «обнаружить себя»⁴⁰, предлагая заселить и обрабатывать пустующие помещичьи земли, и дают обещание: «за их учение никто, никогда, никого не будет преследовать»⁴¹. Обещание это сдержано не будет.

Так, община трезвенников Братца Иоанна Чурикова создала свою коммуну в Вырице еще в 1918 году, до издания «Обращения к сектантам и старообрядцам». Коммуна «БИЧ» (Братца Иоанна Чурикова) процветала: члены завели успешное хозяйство, разводили скот, занимались осушением болот и даже участвовали в выставке достижений народного хозяйства в 1923 году. Они создали свой «трезвомол» — аналог комсомола, издавали газеты, творчески адаптировали советские лозунги и песни, и, в целом, быстро и охотно включились в советский проект.

Уже в середине 1920-х начались конфликты чуриковской общины с местными властями, а вскоре в коммуне прошли первые аресты. Во время проведения комиссии в коммуне в 1918 году проверяющие отметили успешность трезвеннического хозяйства,

36. ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 8. Л. С. 84–85. Обращение Наркомзема РСФСР «К сектантам и старообрядцам, живущим в России и за границей». 5 октября 1921 г.

37. Там же.

38. Там же.

39. Там же.

40. Там же.

41. Там же.

образцовую трудовую дисциплину, но их насторожило влияние Чурикова на последователей и отсутствие агитационной работы⁴². В результате общину назвали «штабом трезвенничества для распространения религиозной пропаганды»⁴³ и пришли к заключению, что коммуна больше походит на монастырское хозяйство, нежели на объединение советских трудящихся.

В апреле 1929 года, после выхода постановления ВЦИК и СНК «О религиозных объединениях»⁴⁴, запретившего религиозным организациям создавать «... кооперативы, производственные объединения и вообще пользоваться находящимся в их распоряжении имуществом для каких-либо иных целей, кроме удовлетворения религиозных потребностей»⁴⁵, Чуриков был арестован, а его коммуна была расформирована. Последователям Чурикова пришлось перейти на подпольное положение.

В контексте советского периода история трезвенников также оказывается типичной. Игорь Кузинер описывает трансформации в положении общины странников в раннесоветский период: те впервые обрели «возможность совершенно легального взаимодействия с государственными органами, которые прежде исполняли исключительно репрессивные функции по отношению к “сектантам”»⁴⁶. Странники создали кооператив «Аксиома», члены которого «работали на артельных полях целыми неделями, невзирая на церковные праздники»⁴⁷. Их деятельность была успешной, но в конце 1920-х годов в кооперативе начались обыски, затем «Аксиома» тоже была ликвидирована, а ее члены ушли в подполье.

В этот период антисектантская пропаганда сливается с антирелигиозной. «Сектантов» тоже обвиняют в антинаучности, ре-

42. ЦГИА СПб. Ф. 680. Оп. 1. Д. 98. (Акт обследования состояния сельскохозяйственной коммуны чуриковцев; план весенних работ, сведения о выполненных работах, отзывы о коммуне). Л. 11.

43. Там же.

44. Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, Совета Народных Комиссаров РСФСР о религиозных объединениях. 8 апреля 1929 г. / *Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства*. 1929. № 35. С. 353.

45. Там же.

46. Кузинер И. Милленаристы, капиталисты, кооператоры: позднеимперский и раннесоветский опыт старообрядцев-странников // *Ab Imperio*. 2021. Т. 2. С. 45.

47. Там же. С. 49.

акционности⁴⁸, «религиозных предрассудках»⁴⁹ и эксплуатации трудящихся, видят в их деятельности опасность для воспитания детей⁵⁰ и образа «нового советского человека». «Одурманивание народа»⁵¹, в котором обвинялись религиозные деятели в целом, выступало основанием и для обвинения «сектантов» в частности.

В соответствии с обвинениями, выдвигаемыми в адрес «сектантов», можно выделить ценности, на защиту которых была нацелена советская антирелигиозная пропаганда. Последняя делает акцент на науке и просвещении, и им противопоставляются «мракобесие», «предрассудки», «религиозный дурман», в которые защитники религиозных «пережитков» затягивают советских граждан. В этом контексте важной частью советской антирелигиозной пропаганды становятся «разоблачения», которые были призваны защитить класс трудящихся от якобы мошеннических действий «эксплуататоров» и не позволить использовать дискурсы чудес для легитимации веры.

«Эксплуатация» понималась широко: она могла быть и трудовой (особенно в случае «сектантских» коммун), и экономической, и, в целом, широкой категорией для обозначения разного рода манипуляторских действий. Обвинялись «сектанты» и в контрреволюционных настроениях, в свете чего даже их стремление вписаться в советский проект были восприняты как «приспособленчество» и «идеологическая спекуляция», направленные на «обман трудящихся»⁵². Если в имперский период религиозных диссидентов обвиняли в мимикрии под православие, то в советский период — в «фальсифицированном коммунизме»⁵³.

Как указывает Надежда Белякова, «публичное вскрытие мощей превратилось в образовательный проект», выступавший средством борьбы «с эксплуатацией верующих посредством ре-

48. Клибанов А. Религиозное сектантство и современность. С. 33.

49. См. напр. Дубровский М. Черный отец и желтые братцы (Иоанн Кронштадтский, Иван Чуриков, Анисим Смирнов). М.: Безбожник, 1930.

50. Панченко А. «Религиозные инфекции» и «духовные калеки»: Тема детства в советской атеистической пропаганде 1960-х гг. // «Убить Чарскую...»: парадоксы советской литературы для детей (1920-е — 1930-е гг.) / Сост. и ред. М.Р. Балина, В.Ю. Вьюгин. СПб.: Алетейя, 2013. С. 310–329.

51. Там же. С. 85.

52. Клибанов А. Религиозное сектантство и современность. С. 9, 22.

53. Дубровский М. Черный отец и желтые братцы (Иоанн Кронштадтский, Иван Чуриков, Анисим Смирнов). С. 127.

лигиозных предрассудков»⁵⁴. В ходе этой кампании советское правительство «хотело разоблачить священников как лжецов, мошенников и шарлатанов»⁵⁵. Другим значимым аспектом становится защита от «религиозного дурмана» детей как будущего поколения советского государства

Советские исследователи интерпретируют «сектантство» как продукт борьбы трудящихся классов против господствующих, но подобная форма сопротивления описывается как неправильная: «бурное развитие классовой борьбы ... выявляло ограниченность, недееспособность религиозной формы социального протеста»⁵⁶.

Хотя в начале советского периода религиозные меньшинства оказались в более привилегированном положении, нежели официальные конфессии, вскоре диспозиция изменилась, и антирелигиозные кампании затронули и подобные движения. Радикальный разрыв с имперским прошлым в этом контексте изначально ознаменовался обретением религиозными меньшинствами более выгодного правового положения, но в дальнейшем государственная политика трансформировалась, в результате чего условно «сектантские» движения также оказались затянуты в горнило репрессий. Как отмечает Александр Панченко, «дальнейшие государственные репрессии, далеко превзошедшие по масштабам и жесткости все, что происходило с русскими сектантами в синодальный период, уничтожили существенную часть сообществ религиозных диссидентов и их лидеров»⁵⁷.

В отношении хрущевской антирелигиозной кампании Татьяна Никольская отмечает, что, хотя она и была направлена против всех религиозных организаций, особенно тяжелой она была для последователей малых групп⁵⁸. Целью антисектантских мероприятий стало перевоспитание верующих, антирелигиозная пропаганда, высвечивающая негативные стороны деятельности

54. *Белякова Н.* «Долго же нас попы дурачили!» Богохульство, святотатство и насилие в Советской России // Вестник Свято-Филаретовского института. 2022. № 44. С. 116.

55. Там же.

56. *Клибанов А.* Религиозное сектантство и современность. С. 59.

57. *Панченко А.* «Старые секты» на новый лад: Проблемы и перспективы изучения русских религиозных диссидентов XVIII–XX вв. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 3(38). С. 33.

58. *Никольская Т.* Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 годах. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2009. С. 176.

религиозных сообществ, противопоставляя их научно-материалистическому мировоззрению⁵⁹. Можно сказать, что защищаемые ценности в хрущевский период не претерпели серьезных изменений.

Постсоветская Россия: между контркультизмом и антикультизмом

После распада Советского Союза на волне религиозного возрождения в России возник ряд новых автохтонных религиозных движений⁶⁰. Число их последователей росло, публичное и медийное присутствие становилось более заметным. Этот процесс породил реакцию в виде нового антисектантского движения, одним из проявлений чего стали конфронтации последователей «Православной Церкви Божией Матери Державной» с деятелями движения, а также освещение этих событий в СМИ⁶¹. Кроме того, стоит отметить, что в риторике антисектантского движения в постсоветской России прослеживается определенное влияние американского антикультизма.

В США рост новых религиозных движений произошел в 60–70-е годы XX века, когда число религиозных групп достигло нескольких тысяч, а их последователей — нескольких сот тысяч. Тогда слово «культ» стало включать в себя представление о «промывке мозгов». Теоретической основой антикультистского движения в США стали идеи психиатра Роберта Лифтона о процессе изменения сознания, которому подвергались американские военные в плену во время корейской войны (1950–1953)⁶². Книга Лифтона *Thought Reform and the Psychology of Totalism: A Study of 'Brainwashing' in China*⁶³, которая, наряду с описанием механизма «промывки мозгов», вводила для объяснения эффективности этого процесса термин «тоталитарная среда», снискала популярность

59. Митрохин Л. Баптизм: история и современность (философско-социологические очерки). СПб.: РХГИ, 1997. С. 56.

60. См. Ахметова М. Конец света в одной отдельно взятой стране: религиозные сообщества постсоветской России и их эсхатологический миф. М.: ОГИ; РГГУ, 2010.

61. См. Дроздов С. Non diis curae: риторика и практики естественного наказания за святотатство // Этнографическое обозрение. 2023. № 2. С. 142.

62. Гордус М. Антикультовое движение: исторический обзор // Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 2. С. 11–15.

63. Лифтон Р. Технология «промывки мозгов»: Психология тоталитаризма. СПб.: Прайм-Еврознак, 2005.

среди американских антикультистов. Последние стали применять выделенные психиатром 8 критериев, позволявших охарактеризовать среду как тоталитарную, к религиозным движениям, тем самым объясняя их опасность для общества⁶⁴.

Американское антикультистское движение выделяет секулярные ценности в качестве основы того, что подвергается опасности от новых религиозных движений и их «тоталитарной среды». Такими ценностями, в первую очередь, оказываются свобода воли и семейные связи, утрачиваемые, по мнению антикультистов, при попадании в «тоталитарную среду» новых религиозных движений. О влиянии американского антикультистского движения на Александра Дворкина и риторику антисектантского движения в постсоветской России может свидетельствовать то, что основным риторическим инструментом Дворкина является выделенный им для описания критикуемых религиозных движений термин «тоталитарная секта».

Используя классификацию Хаддена, можно увидеть превалирование «светского» варианта аргументации в текстах акторов постсоветского антисектантского поля. Чисто религиозный вариант данной риторики также встречается, однако редко выступает основным критерием критики движений. Риторика «жертв» используется всеми деятелями как иллюстрация результатов воздействия описываемых движений. С точки зрения предлагаемого Интровинье деления на контркультистов и антикультистов, в случае России к первым следует относить антисектантские подразделения миссионерских отделов епархий, а ко вторым — светских религиоведов и журналистов, производящих тексты, содержащие критику религиозных движений. Для анализа нами были выбраны три антисектантских организации: «Информационно-консультационный центр по вопросам сектантства и экстремизма в религиозной сфере» при миссионерском отделе Новосибирской Епархии РПЦ МП как пример контркультизма по классификации Интровинье; информационный портал «СЕКТА инфо» как пример антикультизма; и «Центр религиоведческих исследований во имя священномученика Ирины Лионского» как квинтэссенцию того, что мы называем «антисектантством». Последний создан Александром Дворкиным и, на наш взгляд, является наиболее активным и влиятельным в контексте производства антисектантской риторики в постсоветской России.

64. Там же. С. 499–518.

«Информационно-консультационный центр» функционирует в Новосибирске при соборе во имя святого Александра Невского с 1994 года. Центр был основан настоятелем собора протоиереем Александром Новопашиным, совмещающим должность директора организации со служением председателя миссионерского отдела. В числе сотрудников значится иерей Артемий Сильвестров и двое мирян. В качестве мотивации создания ИКЦ указывается «появившаяся в обществе проблема зависимости и расстройства личности от действия тоталитарных сект»⁶⁵. В поле нашего анализа попали два сайта, связанные с ИКЦ: раздел «Сектоведение» официального сайта Миссионерского отдела епархии⁶⁶ и портал «Сектовед», созданный «для поддержки Информационно-консультационного центра по вопросам сектантства при новосибирском Соборе во имя святого благоверного великого князя Александра Невского»⁶⁷.

«СЕКТА инфо» — портал, позиционирующий его авторами как «сайт о религиозных сектах и культах», зарегистрирован в 2006 году. В разделе «Об авторах» значится, что «сайт создан и поддерживается сообществом российских специалистов-религиоведов. Руководитель проекта: Булавин Андрей Александрович»⁶⁸. О какой-либо офлайн-деятельности данного сообщества информации нет, однако его виртуальная активность связана со сбором и распространением информации о деятельности религиозных движений.

Наконец, наиболее активная в плане производства антисектантских текстов часть постсоветского антисектантского движения — Центр Ирины Лионского, основанный в 1993 году, является ядром зонтичной организации «Российская ассоциация центров изучения религий и сект» (РАЦИРС), президентом которой также является Дворкин. В организацию входят светские центры, работающие по благословению РПЦ МП, и миссионерские отделы епархий, а в руководство, наряду с Дворкиным, входят два протоиерея РПЦ МП. Своей целью РАЦИРС называет:

65. Информационно-консультационный центр по вопросам сектантства // Миссионерский отдел Новосибирской Епархии [<http://ansobor.ru/page.php?id=15>, доступ от 29.10.2023].

66. Сектоведение // Миссионерский отдел Новосибирской Епархии [<http://ansobor.ru/page.php?id=4>, доступ от 29.10.2023].

67. О сайте // Сектовед.py [<http://sektoved.ru/about>, доступ от 29.10.2023].

68. Об авторах // Сайт о религиозных сектах и культах [<https://sektainfo.ru/ob-avtorah>, доступ от 29.10.2023].

планомерный мониторинг деятельности на территории России новых религиозных движений и сект, аналитическая и исследовательская работа, оказание информационной и консультационной помощи и содействия федеральным, региональным и муниципальным органам власти, общественным организациям, СМИ в вопросах, касающихся деятельности различных религиозных объединений, в том числе посредством издания собственных электронных и печатных СМИ, а также проведение независимых религиозно-научных экспертиз⁶⁹.

В целях и задачах РАЦИРС не присутствуют указания на антисектантский характер, однако описание организации на официальном сайте Московского патриархата («...организация, объединяющая региональные центры по проблеме тоталитарных сект»)⁷⁰ дает представление об объединяющем членов организации отношении к новым религиозным движениям, предопределяя направление риторики.

Так как одним из критериев различения антикультизма и контркультизма в концепции Массимо Интровинье выступает аффилиация акторов с религиозными течениями, важным оказывается вопрос о связи трех перечисленных организаций со структурами РПЦ МП. Так, «Информационно-консультационный центр по вопросам сектантства и экстремизма в религиозной сфере», будучи частью миссионерского отдела епархии, напрямую входит в структуру Церкви, его сотрудники имеют духовный сан либо являются прихожанами собора. О реальной аффилиации редколлегии сайта «СЕКТА инфо» говорить сложно, однако принадлежность авторов к религиознонаучному сообществу и отсутствие упоминаний поддержки структуры РПЦ МП или иной религиозной организации позволяет предположить ее светский характер. Сложнее обстоит дело с аффилиацией Центра Ирины Лионского: официально он в структуру РПЦ МП не входит, а с точки зрения сотрудников и прямого подчинения, Центр находится между полюсами антикультизма и контркультизма, за-

69. Российская ассоциация центров изучения религий и сект (РАЦИРС) // Центр священномученика Ирины Лионского [[https://iriney.ru/main/o-czentre/kontaktnyie-dannye-rossijskoj-assocziaczii-czentrov-izucheniya-religij-i-sekt-\(raczirs\)-v-regionax.html](https://iriney.ru/main/o-czentre/kontaktnyie-dannye-rossijskoj-assocziaczii-czentrov-izucheniya-religij-i-sekt-(raczirs)-v-regionax.html)], доступ от 19.10.2023].

70. Российская ассоциация центров изучения религий и сект (РАЦИРС) // Официальный сайт Московского Патриархата [<http://www.patriarchia.ru/db/text/381854.html>], доступ от 19.10.2023].

нимая промежуточное положение, которое мы, вслед за его акторами, предлагаем называть «антисектантством». Описываемая в следующем разделе общность риторики и защищаемых ценностей позволяет нам, несмотря на формальное разделение на антикультистов и контркультистов, говорить об особом смешанном типе, к которому оказывается возможным отнести сопоставляемые центры.

Антисектантство как синтез антикультизма и контркультизма

Публикации трех описанных организаций позволяют составить представление об основаниях, на которых строятся обвинения в адрес религиозных движений. Данный раздел текста будет построен на сопоставлении использованной терминологии и оснований обвинения в публикациях центров, риторика которых, несмотря на аффилиацию, оказывается весьма схожей.

Согласно идее Хаддена о религиозной аргументации и представлению Интровинье о контркультистской риторике как борьбе с религиозным инакомыслием и девиацией от «истинной» религии, контркультистскому крылу постсоветского антисектантства должно быть свойственно указание на неверность доктрин, в отличие от православия. Согласно Хаддену и Интровинье, в текстах контркультистского характера может присутствовать указание на еретический характер учения обвиняемой группы, что мы и находим в статье, посвященной критике православных «последователей» философии Александра Дугина, названных там «адептами дугинизма», которые «сначала открывают для себя Дугина, а только потом само Православие, если они его вообще открывают»⁷¹.

Характерные для имперского контркультизма обвинения в отступлении от истинного православия могут быть найдены и в текстах Центра Иринейя Лионского:

Царебожие — ересь, последователи которой считают царя Николая II икупителем греха русского народа против царской власти. Все это в корне противоречит христианскому учению: называя царя

71. Малер А. Не консервативная, не православная, не философия // Миссионерский отдел Новосибирской Епархии. 10.03.2023 [http://ansobor.ru/news.php?news_id=11048, доступ от 19.10.2023].

«искупителем», еретики тем самым не признают достаточным для нашего спасения искупительный подвиг Господа Иисуса Христа⁷².

Стоит заметить, что если аффилиация «Центра Иринейя Лионского» носит промежуточный характер, то портал «СЕКТА инфо» предположительно должен исходить из иных, секулярных оснований для критики. Однако и там мы встречаем указание на несоответствие одной из протестантских церквей христианскому учению⁷³. В этом тексте прозелитическая деятельность христиан-харизматов описывается с позиции девиации от «настоящего» христианства, что нехарактерно для секулярной риторики антикультизма. В риторике анализируемых организаций присутствует присущее контркультистам представление о существовании «правильной» религии, отклонения от которой становятся поводом для критики. Такая ситуация, как было показано ранее, была характерна для миссионеров времен Российской империи.

Секулярная риторика, по Хаддену, присущая антикультистским акторам, строится на идее опасности, которую критикуемые религиозные организации представляют для секулярных ценностей. После анализа антисектантских публикаций светского портала «СЕКТА инфо» можно выделить перечень наиболее часто встречающихся оснований критики: ухудшение материального состояния адептов, контроль сознания, опасность для детей и разрушение социальных связей. Все они относятся к угрожающим секулярным ценностям — неприкосновенности частной собственности, свободы воли, ценности детства и социализации.

Изъятие материальных ценностей у последователей религиозных движений выражается в антисектантских текстах в сообщениях о продаже квартир адептов в пользу «тоталитарной секты», как, например, в этой публикации «СЕКТА инфо»:

Эти предприниматели говорят о своей связи с космосом, часто употребляют слово «вселенная» и ценники выставляют тоже астрономические. Что удивительно, люди готовы брать кредиты, прода-

72. О ереси царебожия // Центр священикомученика Иринейя Лионского. 13.03.2013 [<https://iriney.ru/poslevoennaya-eklektika/sajentologiya/novosti-o-sajentologii/sajentologi-zaxvatyivayut-dimitrovgrad-kak-verbuyut-zhitelej-ulyanovskoj-oblasti.html>], доступ от 29.10.2023].

73. Осторожно: в ближайшее время в Туле активизируются секты! // Сайт о религиозных сектах и культах [<https://sektainfo.ru/ostorozhno-v-blizhajshee-vremya-v-tule-aktivizirujutsya-sekty>], доступ от 29.10.2023].

вать квартиры, но платить огромные деньги за пустые обещания счастья⁷⁴.

Однако светская риторика в случае постсоветского антисектантства не является эксклюзивной для антикультистских институций. Схожие сюжеты о «вытягивании денег, ценностей, квартир» мы встречаем и в статье Центра Иринаея Лионского об обсуждении «деятельности деструктивных сект»⁷⁵, и в публикациях контркультистского «Информационно-консультационного центра по вопросам сектантства и экстремизма в религиозной сфере» о «финансовых махинациях»⁷⁶.

Во всех трех приведенных примерах основания для обвинений религиозных движений оказываются идентичными. Такая же ситуация наблюдается и с обвинением в ограничении свободы воли последователей. Этот аргумент напрямую отсылает к описанным ранее риторическим стратегиям американского антикультистского движения и страху перед коммунистической «промывкой мозгов». Идея об утере последователями религиозных движений свободы воли находит место в публикациях всех анализируемых центров в контексте «психологического давления»⁷⁷ и «отказа от свободы»⁷⁸. Особый интерес представляет статья с сайта Центра Иринаея Лионского, в которой совмещаются сразу две стратегии — «религиозная» (указание на отклонение от христианства) и «светская» (лишение последователей свободы воли):

По определению эта организация ближе всего к секте, а секта, как мы знаем, подавляет свободу воли человека. Это кардинально от-

74. В Москве задержали обманывавших людей членов секты магов и гадалок // Сайт о религиозных сектах и культах [<https://sektainfo.ru/v-moskve-zaderzhali-obmanyavshih-ljudej-chlenov-sekty-magov-i-gadalok>, доступ от 19.10.2023].

75. Лоевская Г. В Мосгордуме обсуждают деятельность деструктивных сект // Центр священномученика Иринаея Лионского. 16.03.2007 [<https://iriney.ru/raznoe/raznoe/v-mosgordume-obsuzhdayut-deyatelnost-destruktivnyix-sekt.html>, доступ от 19.10.2023].

76. Сысоев Д. Секты и ереси, паразитирующие на Православии // Миссионерский отдел Новосибирской Епархии [<http://ansobor.ru/articles.php?id=334>, доступ от 19.10.2023].

77. «Людей держали в постоянном страхе» // Сайт о религиозных сектах и культах [<https://sektainfo.ru/ljudej-derzhali-v-postoyannom-straxe>, доступ от 19.10.2023].

78. Фирсанова Н. Плски бесов в тоталитарных сектах // Миссионерский отдел Новосибирской Епархии. 08.04.2016 [http://ansobor.ru/news.php?news_id=6638, доступ от 19.10.2023].

личается от христианства, в котором соблюдение заповедей — личное дело каждого человека. А подавление воли никогда ни к чему хорошему не ведет⁷⁹.

Следующей защищаемой антисектантами секулярной ценностью является защита детства, в чем они оказываются солидарны с церковью, наследуют советской риторике и американским антикультистским организациям, зародившимся как группы защиты и помощи семьям. В спектр опасностей, которым подвергаются дети, входит неоказание медицинской помощи, как в этой публикации «СЕКТА инфо»:

Женщина развелась с мужем, по решению суда ребенка оставили с матерью. Ее бывший супруг забил тревогу, когда узнал, что дочери необходимо хирургическое вмешательство, стоял вопрос вплоть до угрозы жизни. Но женщина отказывалась вести ребенка к врачу — она попала в секту, где ей запретили это делать⁸⁰.

Часто речь идет о сексуализированном насилии над детьми в критикуемых сообществах, как показано в публикации Центра Ириней Лионского о Международном обществе сознания Кришны⁸¹. Еще одним основанием для опасения за неприкосновенность детства оказывается доступ к светскому образованию. О таком случае на примере статьи «Интерфакс» о родителе из Казахстана пишет новосибирский «Информационно-консультационный центр по вопросам сектантства и экстремизма в религиозной сфере»⁸².

Четвертым, наряду с материальным вредом, контролем сознания и опасностью для детей, светским и общим для трех центров

79. Саентологи захватывают Димитровград? Как вербуют жителей Ульяновской области // Центр священномученика Ириней Лионского. 08.04.2016 [<https://iriney.ru/poslevoennaya-eklektika/sajentologiya/novosti-o-sajentologii/saentologizaxvatyivayut-dimitrovgrad-kak-verbuyut-zhitelej-ulyanovskoj-oblasti.html>], доступ от 19.10.2023].

80. Саратовские сектанты не водили детей в школу и к врачам. Рассказ омбудсмена // Сайт о религиозных сектах и культах [<https://sektainfo.ru/saratovskie-sektanty-ne-vodili-detej-v-shkolu-i-k-vracham-rasskaz-ombudsmena>], доступ от 19.10.2023].

81. Кришнаитов обвинили в растлении детей в школе-интернате в Абхазии // Центр священномученика Ириней Лионского. 03.06.2021 [<https://iriney.ru/psevdoindutskie/krishnaityi/arxiv-soobshhenij-o-krishnaitax/krishnaitov-obvinili-v-rastlenii-detej-v-shkole-internate-v-abxazii.html>], доступ от 19.10.2023].

82. В Казахстане отец-деспот принуждал детей жить по канонам религиозной секты // Миссионерский отдел Новосибирской Епархии. 29.04.2009 [http://www.ansobor.ru/news.php?news_id=288], доступ от 19.10.2023].

основанием критики в адрес религиозных движений является защита права на социализацию, а точнее — сохранение социальных связей с семьей и друзьями, в разрушении которых антисектанты обвиняют религиозные движения. Так, на опасность сектантской идеологии для семьи указывает и антикультистский «СЕК-ТА инфо»:

Условием жизни в ашраме была полная изоляция от внешнего мира. Адепты уходили из семьи, переставали общаться с близкими, жили коммунами, располагавшимися в небольших квартирах или деревенских домах⁸³.

Точно так же на опасность разрыва семейных связей указывают и контркультистский «Центр при Миссионерском отделе Новосибирской епархии» в статье об «Обществе ревнителей истинного благочестия, рассудительной и мудрой веры Божьей»⁸⁴, и Центр Ириней Лионского в публикации о последователях Ошо⁸⁵.

Большая часть светских оснований современной антисектантской риторики в России повторяет тропы советской антирелигиозной пропаганды. Это касается материального ущерба, ограничения доступа к образованию. Подобная риторика роднит постсоветское антисектантство с советским антикультизмом.

Продуцируемая в современной России антисектантская риторика совмещает элементы антикультизма и контркультизма, а основания критики, выдвигаемой акторами этого движения, оказываются не связанными с их религиозной или светской аффилиацией. Этот факт позволяет говорить о существовании единого антисектантского поля в постсоветской России, одной из главных черт которого оказывается смешение апелляции к религиозным и светским ценностям. Можно утверждать, что принятое сегодня в исследуемой среде самоназвание «антисектанты»

83. «Безобидные» секты в Сибири и США оказались опасными преступными организациями // Сайт о религиозных сектах и культах [<https://sektainfo.ru/bezobidnye-sekty-v-sibiri-i-ssha-okazalis-opasnymi-prestupnymi-organizაციами>, доступ от 19.10.2023].

84. Ревнители истинного благочестия // Сектовед.ру [<http://sektoved.ru/encyclopedia/32>, доступ от 29.10.2023].

85. Хасаншин В. Тренинги секс-гуру разрушили семью лидера челябинских бизнесменов. Видео // Центр священномученика Ириней Лионского. 23.06.2022 [<https://iriney.ru/psevdoindutstskie/osho-radzhnish/novosti-o-osho-radzhnish/treningi-seks-guru-razrushili-semyu-lidera-chelyabinskix-biznesmenov.-video.html>, доступ от 19.10.2023].

является не просто калькой с англоязычных терминов, но отражает существующую конфигурацию риторики, находящейся на пересечении антикультизма и контркультизма, светской и религиозной аргументации.

* * *

В целом, если о деятельности православных миссионеров в дореволюционной России в силу их церковной аффилиации можно говорить как о примере контркультизма, сопряженного с религиозной аргументацией вреда «сектантов», а в советский период основной аргументацией выступает светская риторика, характерная для антикультизма, то в современной России мы видим синтез дореволюционного и советского подходов. Картина здесь оказывается сложнее, чем описанная Джеффри Хадденом и Массимо Интровинье. Напрямую аффилированные со структурами РПЦ контркультистские организации и эксперты, помимо критики на языке теологии, апеллируют к секулярным антикультистским ценностям. В этом, вероятно, можно увидеть смешанное наследие и дореволюционной, и советской риторики в отношении религиозного инакомыслия; но здесь видно и влияние идей американского антикультистского движения о «тоталитарной среде» и «промывке мозгов». Антикультистские организации, не указывающие своей религиозной аффилиации, могут, в свою очередь, прибегать к контркультистской стратегии — обвинении новых религиозных групп в «подмене правильной религии» или «псевдорелигиозности».

Рассмотренные в данной статье примеры риторики трех центров, обладающих разной аффилиацией, демонстрируют сходство в смешении религиозного и светского пути обоснования опасности критикуемых религиозных движений, а также в описании ценностей, которым критикуемые сообщества могут угрожать. Это сходство дает основания говорить о едином «антисектантском поле», риторика которого совмещает в себе описанные Хадденом пути аргументации, что позволяет увидеть влияние предыдущих исторических этапов и, соответственно, специфику его современного существования.

Концептуальная рамка описания критикуемых религиозных движений, созданная Александром Дворкиным и его Центром Ирины Лионского, совмещает в себе светские и религиозные аргументы, элементы имперского контркультизма, советско-

го антикультизма, а также некоторые идеи американского движения со схожими целями. На сегодняшний день она остается основой российской антисектантской риторики и используется (как идейно, так и терминологически) акторами движения, независимо от их аффилиации, находя отражение как в специализированных «антисектантских» текстах экспертов, так и в публикациях СМИ, а также в некоторых случаях — в официальных документах.

Библиография / References

Источники

- ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 8. Л. С. 84–85. Обращение Наркомзема РСФСР «К сектантам и старообрядцам, живущим в России и за границей». 5 октября 1921 г.
- Декрет Совета Народных Комиссаров «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» // Список актов конституционного значения 1600–1918 гг. [<https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5325>, доступ от 01.11.2023].
- Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, Совета Народных Комиссаров РСФСР о религиозных объединениях. 8 апреля 1929 г. // *Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства*. 1929. № 35. С. 353.
- ЦГИА СПб. Ф. 680. Оп. 1. Д. 98. (Акт обследования состояния сельскохозяйственной коммуны чуриковцев; план весенних работ, сведения о выполненных работах, отзывы о коммуне). Л. 11.

Литература

- Ахметова М. Конец света в одной отдельно взятой стране: религиозные сообщества постсоветской России и их эсхатологический миф. М.: ОГИ; РГГУ, 2010.
- Белякова Н. «Долго же нас попы дурачили!» Богохульство, святотатство и насилие в Советской России // Вестник Свято-Филаретовского института. 2022. № 44. С. 101–137.
- Буткевич Т. Русские секты и их толки. М.: Центрполиграф, 2018.
- Гордус М. Антикультовое движение: исторический обзор // Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 2. С. 11–15.
- Дворкин А. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. Нижний Новгород: ООО Издательство «Христианская библиотека», 2014.
- Дроздов С. Non diis curae: риторика и практики естественного наказания за святотатство // Этнографическое обозрение. 2023. № 2. С. 134–152.
- Дубровский М. Черный отец и желтые братцы (Иоанн Кронштадтский, Иван Чуриков, Анисим Смирнов). М.: Безбожник, 1930.
- Дюран Д. Коммунизм своими руками: образ аграрных коммун в Советской России 1920-х годов. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010.
- Зыгмонт А. Негативная антропология «Сектанта» в современном российском антикультизме // Религиоведческие исследования. 2018. № 18. С. 61–80.
- Иеромонах Вениамин. Подмена христианства. СПб.: типография «Колокол», 1911.

- Кантеров И. «Деструктивные, тоталитарные» и далее везде// Религия и право. 2002. № 1. С. 27–29.
- Клибанов А. Религиозное сектантство и современность. М.: Наука, 1969.
- Красиков П. На церковном фронте. М.: Юриздат, 1923.
- Крестьянинов А. «Отступничество в раскол» в Казанской епархии: старообрядцы в приходской жизни русской деревни// Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 3. С. 116–148.
- Кузинер И. Милленаристы, капиталисты, кооператоры: позднеимперский и раннесоветский опыт старообрядцев-странников// Ab Imperio. 2021. Т. 2. С. 25–59.
- Лифтон Р. Технология «промывки мозгов»: Психология тоталитаризма. СПб.: Прайм-Еврознак, 2005.
- Никольская Т. Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 годах. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2009.
- Обращение Наркомзема РСФСР «К сектантам и старообрядцам, живущим в России и за границей». 5 октября 1921 г.// ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 8. Л. С. 84–85.
- Панченко А. «Религиозные инфекции» и «духовные калеки»: Тема детства в советской атеистической пропаганде 1960-х гг.// «Убить Чарскую...»: парадоксы советской литературы для детей (1920-е — 1930-е гг.)/ Сост. и ред. М. Р. Балина, В. Ю. Вьюгин. СПб.: Алетейя, 2013. С. 310–329.
- Панченко А. «Старые секты» на новый лад: Проблемы и перспективы изучения русских религиозных диссидентов XVIII–XX вв.// Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 3(38). С. 7–37.
- Пругавин А. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством: к вопросу о веротерпимости. М.: Посредник, 1905.
- Barker, E. (1986) “Religious Movements: Cult and Anticult Since Jonestown”, *Annual Review of Sociology* 12: 329–346.
- Barker, E. (1995) “The Scientific Study of Religion? You Must Be Joking!”, *Journal for the Scientific Study of Religion* 34(3): 287–310.
- Clay, J. (2019) “Orthodox Missionaries and ‘Orthodox Heretics’ in Russia, 1886–1917”, in R. Geraci (ed.) *Of Religion and Empire: Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia*, pp. 38–69. NY: Cornell University Press.
- Hadden, J. (1997) “New Religious Movements Lectures: The Anti-Cult Movement”, *Course Lecture in University of Virginia, Department of Sociology* <https://www.wabashcenter.wabash.edu/syllabi/h/hadden/soc257/syllabus.htm>, accessed on 19.10.2023].
- Introvigne, M. (1995) “The Secular Anti-Cult and the Religious Counter-Cult Movement: Strange Bedfellows or Future Enemies?”, in E. Towler (ed.) *New Religions and the New Europe*, pp. 32–54. Aarhus, Oxford, Oakvill: Aarhus University Press.
- Shterin, M. et Richardson, J. (2000) “Effects of the Western Anti-Cult Movement on Development of Laws Concerning Religion in Post-Communist Russia”, *Journal of Church and State* 42(2): 247–271.